

«Поэзия Марины – ворожба на звук», – написала в предисловии к её книге Петра Калутина. Это очень точное замечание, потому что ворожба – это магия и волшебство. А Марина Чиркова – волшебница, создающая безграничное пространство языковой игры, экспериментирующая не только со звуком, но и со словом. Ключевая художественная черта её поэзии – поиск структур и смыслов, выводящих поэтический текст за пределы традиционного грамматического строя. Ибо речь, как сама жизнь, протяжённа и недискретна – она не может заканчиваться за границами заданной формы и преобразуется в нечто иное. Отсюда любовь к протяжённой фразе, абстрактной лексике и неточной рифме (точная рифма, по словам автора, «слишком громко стучит»).

Есть дом, а в нём – окно, за которым открываются иные виды. Можно мельком бросить туда взгляд, а можно осмелиться и выйти через него наружу – в иную реальность. Именно так и поступает лирическая героиня Марины Чирковой – в её мире много таких окон, сквозь которые проступает подлинная жизнь, скрытая от окружающих. А творчество – это окно в окне, поэтому внутри поэтического текста у автора книги «Смородиновый лес» зашифрованы иные, тайные послания. Так робко, но в то же время и решительно заявляет о себе ещё до конца неопознанная вселенная языка, где «слова не ломаются о слова», приглашая нас в индивидуальный космос автора:

*в красный трамвай и ехать. разума с кулачок,
рюха твоя, профеха, офеховый мозжечок.*

<...>

*кричный, коричный город, каменный шоколад,
улучки (злить и спорить), дворики (целовать),
дерево – сеть и дверца, кость и живущий альт –
солнечными младенцами сыплется на асфальт...*

Удивительный мир незаезженных и не «зацелованных насмерть» метафор поражает свежестью авторского восприятия. Всего несколько мгновений – и читатель уже оказывается на теневой стороне речи, где каждый привычный объект становится порталом в иномирие: город не город, а «каменный шоколад», а дерево – звучащий инструмент, с которого осыпаются листья-младенцы. Ухватить теневую, субъективную сторону слова и дейктически материализовать его в художественном тексте – редкое умение, отличающее настоящего мастера. И Марина Чиркова владеет им в совершенстве: её языковая игра не наносит ущерба смыслу, а используется с целью его приумножения, расширения границ заданной реальности. В целом такое творчество представляет собой оригинальный сплав метареализма и постмодерна – образно-информативная плотность текста просто зашкаливает.

Само название книги – «Смородиновый лес» – фактически уже метабола, в контексте которой происходит сближение и взаимопроникновение удалённых друг от друга предметов. Образно-ассоциативный ряд одноимённого с названием поэтического текста причудлив и многопланов: здесь слова тяни-толкаи тянут свои лучики-смыслы от пластической конкретности образов природных объектов к ассоциативно-смысловому полю лирической героини, чувства которой преобразуют мир окультуренного и дикого пространства в универсальное измерение для двоих – а другим в этот лесной сад путь заказан:

*нет, мы другая половина неба,
где край листа двуручную пилюю
<...>
плести смородиновый лес... прилипших мошек,
мышей летучих с тонкими резами,
грызущих нежный сахар полнолуныя
и распускающих одежду у влюблённых
до нитки, до последнего, до «кто ты?»*

Полусферы, полусмыслы, ребусы и игра в потузначения – вот характерные черты постмодернистского художественного мышления автора. Марина Чиркова не боится «расщеплять» слова и заново соединять их в другом качестве, угадывая в одном понятии тень другого, делая поэтическую речь протяжённой, цельной, намертво спаянной синюминутными и культурными смыслами, рождающими истину из первородного хаоса, из камлания и шаманизма:

*дрожит конь-
ячно... выпей луну ли-
бо тотчас сойди с у-
дачной тропинки в к-
рай куда пе-
ром раж-птицы вольной ле-
тишь словами лья-
сь вот так легко ли бо-
льно...*

Переносы строк здесь используются как постмодернистский приём, создающий эффект недискретного и нелинейного пространства, в котором причудливые сочетания слов – проекция мира, увиденного «фасеточным зрением стрекозы» – здесь всё устремлено к единой и одновременно множественной «метарельности», сближающей далековатые понятия, которые легко обмениваются своими свойствами и значениями. Нередко тексты Марины, подобно стихам Александра Петрушкина, напоминают шпионскую шифровку, скрывающую один текст внутри другого. Читатель должен напрячь не только физическое, но и духовное зрение, чтобы расшифровать скрытое послание, понять авторский замысел:

*Всё потому, что губы – те же страны,
а ст[раны] – это встречи, то есть у[часть],
родство, какое [боль]ше чем медвежий
косматый космос но и [мель]че крохи...
А наши кр[ох]и – те, кто нам острее
и нас самих, и самой близкой речи...*

То, что названо Петрой Калугиной «сумбуrom ассоциаций» при отсутствии «нормальных грамматических конструкций», правильнее будет назвать тем «высоким косноязычием», при котором поэтический текст перестает быть лубочной картинкой, набором стандартных образов – отдельных составляющих авторского замысла. Это уже живой организм, в котором все намертво спаяно: хребты фраз, сухожилия слов, дрожащие нервы звуков. И неточность рифм, и спонтанность речи – объект недовольства некоторых издателей – более чем уместны здесь, поскольку речь идёт не о Буратино, деревянной кукле, а о живом существе, которое есть проекция самого автора, отнюдь не пыгающегося быть безупречным.

И ни в коем случае не советую читателю пытаться понять тексты Марины Чирковой на уровне их традиционного осмысления – это моментально убьёт всю прелесть её поэзии. Вначале надо просто довериться автору и спокойно плыть по волнам его образно-звуковой вселенной, вслушиваться в поэзию, как в раковину, внутри которой – целый безразмерный океан: живой, очеловеченный, шумящий свою истину, далеко не сразу различимую на фоне иных шумов беспокойной цивилизации. А потом многомерные смыслы и ассоциации нахлынут сами, как волны, и вслед за этим придёт радость открытия нового уникального мира.

Не случайно первая версия книги Марины Чирковой называется «Сняв ненужную суперобложку» – в этом названии кроется ответ на вопрос, как именно следует читать и воспринимать такие стихи: уйдя от очевидностей, формальностей, банальностей привычного мира, отказавшись от всего внешнего, наносного. Всё истинное, настоящее, всегда находится внутри, а не на поверхности.

Иногда в личных наших разговорах Марина сетовала на то, что ей не хватает у себя масштабности, что необходимо расширять тематику текстов и стремиться к философским обобщениям. Но что есть масштабность и что есть широта темы? Мне кажется, что понятия эти обретают конкретный смысл только в границах авторского стиля. Марина Чиркова масштабна на атомарно-молекулярном уровне своего личного мироздания, и в этом – неповторимая особенность её стиля. Она – Алиса в Зазеркалье, однажды нырнувшая в кроличью нору, да так и оставшаяся там вечным постояльцем удивительной страны, где правят законы творчества, любви и красоты, скрытой «на теневой стороне речи»:

*какого цвета след во след,
на слух рассыпанное слово?..
как снежный порошок, белый свет
и чистый лист – неизрисован.
иди сквозь белое, пока
январь (моргнёшь – и сразу лето):
вся мимо пальцев, языка...
но – кружево: полураздета
в предчувствии и сквозняках...*